

Глава 9: Смерть босса Бая (9)

— Это... это босс Бай хотел меня убить!

— Босс Бай загубил мою родную мать, поэтому я купил яд и собирался найти возможность подсыпать его во время обеда.

— Я сидел в своей комнате. А босс Бай вдруг пришел ко мне. В тот момент я как раз достал коробочку с ядом, и когда он вошел, я не успел ее спрятать. Так что он увидел эту коробочку с ядом. Тогда он достал нож и сказал, что если сначала убьет убийцу, то сам не умрет.

Именно это рассказал сын Бая Гу Ляну и Ян Е, когда прибежал в комнату Гу Ляна после того, как босс Бай преследовал его.

Гу Лян тогда поверил словам сына Бая.

Босс Бай считал семнадцатилетнего подростка самым легким для запугивания и обмана среди всех игроков, поэтому из желания спастись он решил сначала поговорить с сыном Бая, выяснить, не он ли убийца — эта логика была разумной.

Придя в комнату сына Бая, босс Бай обнаружил на столе яд, решил, что тот и есть убийца, и захотел нанести упреждающий удар, начав его преследовать — это тоже было логично.

Но теперь, оглядываясь назад, Гу Лян понимал, что уже тогда был обманут.

— Итак, какова, по-твоему, истина? — спросил Ян Е.

Гу Лян не ответил сразу, а встретил вопросом:

— Почему ты утром пришел сначала в мою комнату?

Ян Е честно ответил:

— Когда все только вытянули карты и услышали правила системы, все растерялись. После этого система велела всем идти отдыхать в комнаты, но никто не двигался, кроме тебя. Я тогда обратил на тебя внимание. После того как ты начал действовать, остальные тоже стали постепенно расходиться. Я тихо проследил за тобой, увидел, как ты направился в комнату «адвоката Чжана», и так понял, что ты играешь адвоката Чжана.

Гу Лян, вспомнив что-то, поднял бровь:

— А, ты подумал, что раз я так поспешил, то, возможно, я убийца?

— Да, если бы ты вытянул карту убийцы, тебе пришлось бы принуждать себя к спокойствию, заставляя адаптироваться к игре, и, возможно, нужно было бы поскорее вернуться в комнату, чтобы подготовиться к действиям. Поэтому то, что ты ушел так рано, с большой вероятностью указывало на то, что ты убийца.

— Конечно, если ты не убийца, то твой поступок показал бы, что ты очень спокойный человек с превосходной адаптивностью. Я тогда только получил карту детектива и плохо знал эту игру, очень хотел найти разумного и хладнокровного человека, чтобы подробно обсудить игру. Остальные либо боялись, либо нервничали — с ними невозможно было добиться какого-либо результата в разговоре, оставался только ты.

Сказав это, Ян Е поправил позу, слегка наклонившись вперед и приблизившись к Гу Ляну.

Ян Е понял намек в вопросе Гу Ляна:

— Ты спрашиваешь об этом, размышляя о причине, по которой босс Бай пошел к сыну Бая?

Гу Лян кивнул:

— Ты как детектив хотел найти спокойного и разумного человека для беседы, чтобы прояснить мысли. Тогда босс Бай как убийца тоже мог из желания спастись найти относительно легкого для обмана несовершеннолетнего для разговора. Утром я поверил словам сына Бая и так думал. Но теперь понимаю, что это не так.

Ян Е открыл блокнот и что-то записал:

— Ты считаешь, что босс Бай искал сына Бая не по собственной инициативе.

— Верно. Босс Бай искал сына Бая не самовольно, а выполняя требования сценария.

Гу Лян уверенно ответил:

— Предполагаю, что настоящий сюжет таков: сын Бая давно планировал убийство, поэтому под каким-то предлогом вызвал босса Бая в свою комнату. Сын Бая заранее подмешал яд «Белый лунный свет» в чашку или сладости в своей комнате. Когда пришел босс Бай, он дал ему отравленные сладости и воду.

Ян Е, припоминая, сказал:

— Сын Бая прибежал к нам в комнату примерно в 9:20. Значит, по-твоему, босс Бай уже отравился между 9:00 и 9:20.

— Верно. В 12:20, когда горничная Лю позвала босса Бая обедать, он уже был мертв. Яд «Белый лунный свет» действует как раз три часа. По времени тоже сходится.

Ян Е прищурился и снова спросил:

— Тогда как ты объяснишь то, что босс Бай убивал сына Бая?

— Думаю, что попытка босса Бая убить сына Бая была чисто внесценарным чрезвычайным происшествием. Босс Бай делал это не ради спасения. Под надзором людей в черном у него не было способа выжить, он отчаялся и хотел утащить сына Бая с собой на тот свет.

Выслушав это, Ян Е откинулся назад, прислонившись головой к спинке стула. Долго молчал, а затем тихо выдохнул:

— Это объяснение я принимаю. Вдруг вспомнил одну деталь. Утром, когда сын Бая увидел, как ты беззаботно ешь сладости в комнате, он очень удивился. Если в сладостях его комнаты был яд, это объяснимо. Он не знал способов убийства других людей и подсознательно думал, что остальные тоже могут пригласить босса Бая на отдельный разговор и отравить похожим образом, поэтому ничего не осмеливался есть.

— Точно.

Гу Лян кивнул и продолжил:

— Кроме того, есть еще одна деталь. Во время свободного обыска, проходя мимо его комнаты, я увидел, что он, заметив меня, не сразу поздоровался, а сначала демонстративно сделал большой глоток воды. Теперь, вспоминая эту деталь, его движение кажется очень нарочитым, словно он подчеркивал, что его вода не отравлена.

— Он пил эту неотравленную воду, но мы в его комнате не видели никаких сладостей. Если вода или сладости были отравлены, куда они делись?

— Возможно, он вымыл отравленную чашку, а сладости смыл в унитаз.

Ян Е, вспомнив что-то, снова достал блокнот и записал:

— Это не считается уничтожением улик? Система не сообщила о нарушении.

— Когда я шел на кухню подсыпать инсулин, использовал только 3 миллиграмма, остальное смыл водой. Система тоже не зафиксировала нарушение. Думаю, такое поведение отличается от того, как я сжег факс.

Ян Е подумал и понял:

— Ясно, в нашем сценарии нет судмедэкспертов и криминалистов, даже если там лежали бы отравленные сладости или инсулин, мы невооруженным глазом не смогли бы это определить. Поэтому обработка подобных вещей не считается уничтожением улик. По крайней мере в нашем простом ознакомительном сценарии.

Гу Лян кивнул в знак согласия:

— Думаю, то, что сын Бая вымыл чашку и выбросил сладости, можно назвать действиями на всякий случай — если бы мы заставили его пить воду или есть сладости, а он отказался бы, то выдал бы себя. Но мы этого не делали. Его движения в моем присутствии, если подумать, немного выдавали его.

Дойдя до этого места, Гу Лян замолчал, и Ян Е тоже долго не говорил.

Комната для индивидуальных допросов была небольшой, стены вокруг — сплошь черного цвета, такая же черная дверь была плотно закрыта, изолируя все звуки внешнего мира. Когда оба замолчали, в комнате снова воцарилась необычайная тишина.

Стены, пол, дверь — черные, стол для совещаний и стулья — тоже черные. Белый свет лампы падал сверху, отражаясь слабым белым отблеском на черной глянцевой поверхности стола — не слепящим, но все же однообразным.

Поэтому красная нитка на запястье Гу Ляна выглядела особенно заметно.

Невольно опустив взгляд и задержав его на этом красном пятне, Ян Е наконец поднял голову и посмотрел на Гу Ляна. Он энергично похлопал в ладоши и сказал:

— Великолепно. Мне все больше любопытно, кем ты работаешь.

— Во всяком случае, я не полицейский. Полицейские гораздо профессиональнее нас. Кстати...

Гу Лян посмотрел Ян Е прямо в глаза:

— Когда мы искали улики на первом этаже, ты довольно жестко обманул сына Бая. Он

действительно поверил, что ты уже точно определил старшего брата Бая как убийцу, и потому расслабился, так?

Ян Е не подтвердил и не опроверг, а Гу Лян продолжил:

— Значит, хотя ты задавал мне столько вопросов, выглядя как ничего не знающий бестолковый детектив, на самом деле... ты давно знал, что убийца — сын Бая? Откуда ты знал?

Услышав это, Ян Е наконец достал специальную цифровую камеру детектива, пролистал пальцем снимки, нашел нужную фотографию и передал Гу Ляну.

Гу Лян взял камеру:

— Это обрывки коробки от «Белого лунного света», которые я нашел на террасе, склеенные и сфотографированные тобой?

Ян Е, глядя на Гу Ляна, сказал:

— Да, ты сосредотачиваешься на логических выводах, я — на деталях вещественных доказательств. Посмотри, эта коробка очень мокрая.

Действительно, на фотографии было четко видно — коробка почти полностью пропитана водой.

Эту деталь Гу Лян тогда тоже заметил. Не только коробка, но даже его рукав после поиска улики стал влажным, и Ян Е подал ему салфетку. Но тогда он не придавал этому особого значения.

Горничная Лю утром поливала цветы на террасе, там было много цветов, естественно, на лепестках и листьях оставалось много воды. Поэтому когда обрывки коробки упали со второго этажа, они попали на капли воды на лепестках и листьях и промокли — это было вполне нормально.

Теперь, после напоминания Ян Е, Гу Лян обнаружил ключевую проблему — воды на этой коробке было слишком много.

Утром Гу Лян спустился вниз в половине одиннадцатого, встретил Ян Е, и они вместе играли в покер. Тогда горничная Лю готовила на кухне, примерно через десять минут она пошла поливать цветы на террасе.

Таким образом, полив цветов горничной Лю, который Гу Лян видел собственными глазами, происходил около 10:40.

К полудню почва уже впитала большую часть влаги, остаточная влага была только на лепестках и листьях.

Если бы обрывки коробки сын Бая выбросил на террасу только в полдень, коробка лишь слегка намочила бы от лепестков и листьев, примерно как рукав Гу Ляна.

Но сейчас коробка была пропитана водой на большой площади — такая степень влажности определенно не могла быть результатом простого соприкосновения.

Только если горничная Лю поливала цветы, и вода из носика лейки, просочившись сквозь щели между листьями, прямо попала на обрывки коробки, могла возникнуть такая степень влажности.

Эта улика могла показать только одно — обрывки коробки уже лежали в цветочных горшках до 10:40.

Гу Лян прищурился и медленно сказал:

— Понятно. Эта фотография доказывает, что сын Бая выбросил обрывки коробки не в полдень. Он солгал.

— Верно. Кроме того, утром, когда я вышел из твоей комнаты в гостиную, я не просто сел на диван и сидел неподвижно. Я бродил повсюду, не только нашел коробку от препарата ложной смерти, но и давно заметил обрывки коробки в цветочных горшках на террасе. Просто тогда у меня не было времени их склеивать. Да и если бы склеил тогда и дал вам знать, не получилось бы обмануть убийцу.

Сказав это, Ян Е подвел итог:

— Теперь мы можем восстановить настоящий способ убийства сына Бая. Около девяти утра он подмешал «Белый лунный свет» в сладости и воду в своей комнате, затем разорвал коробку, выбросил обрывки с второго этажа в цветочные горшки на террасе первого этажа, после чего босс Бай пришел в его комнату, выпил воду, съел сладости, отравился, и через три часа умер от яда.

— В общем, отравление и сокрытие улик — эти два действия сын Бая совершил не в полдень, он солгал. В обеде, который он отправил боссу Баю в полдень, возможно, вообще не было «Белого лунного света». Потому что этот яд сын Бая уже использовал утром.

Детали, замеченные Ян Е, были обоснованными, более простыми, прямыми и эффективными, чем рассуждения Гу Ляна.

Выслушав его объяснения, Гу Лян слегка поднял брови, затем нахмурился и прищурился:

— Давно это обнаружил, а заставлял меня столько размышлять? Издеваешься надо мной?

Вопреки ожиданиям Гу Ляна, Ян Е покачал головой, и выражение его стало довольно серьезным.

Гу Лян не был слепым — он видел, что Ян Е любит его дразнить.

Он думал, что поступок Ян Е был не чем иным, как притворством слабости, изображением полного незнания, заставлением его анализировать, а после завершения его длинных рассуждений и доказательств — выдачей очень простого, эффективного и прямого умозаключения, чтобы подорвать его уверенность и посмеяться над ним.

Тот определенно подколот бы его парой фраз вроде: «Хотя твои рассуждения тоже не ошибочны, но это всего лишь логический анализ и предположения, не такие убедительные, как мои прямые доказательства».

Но Гу Лян обнаружил, что Ян Е сейчас совсем не дразнит его. В его выражении была серьезность, совершенно отличная от прежней, даже можно сказать — мрачность.

Ян Е слегка нахмурился, посмотрел на Гу Ляна и сказал:

— Нет. Я действительно хотел услышать твой анализ. Потому что я не могу ошибиться ни на

йоту. Наше голосование решает чью-то жизнь и смерть. Сын Бая умрет из-за нашего голосования.

Через мгновение Гу Лян сказал:

— К сожалению, и твои детали, и мои рассуждения показывают, что убийцей может быть только он.

Гу Лян поднялся, подошел к нему и похлопал по плечу:

— Осмотрительность — это правильно. Если мы проголосуем неверно, не только обречем на несправедливую смерть «хорошего человека», но и погубим тебя, детектива. Но не стоит слишком мучиться. Таковы правила игры. Ты сам говорил — мы не преступники, мы жертвы.

<http://bllate.org/book/14674/1304302>